

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МИССИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА XX-XXI ВВ.

И.А. Арзуманов

Аннотация. Данная статья посвящена анализу конфессиональной толерантности в контексте миссиологических доминант и миграционного фактора в странах Байкальского региона в XX-XXI вв. Толерантность как институт либеральной идеологии Нового времени изначально имела смысловое наполнение в свете религиозно-конфессиональной терпимости. Усиливающиеся тенденции «девестернизации» объективно обостряют противостояние в идеологической сфере.

Сопряжение данных факторов с миграционными и реэмиграционными процессами в регионе выводят понятие толерантности на уровень фактора национальной безопасности. В качестве базового для аналитики данных процессов выбран культурологический подход, определяющий аксиологические модусы конфессионального пространства и миссиологии региональных доминант традиционных институтов этно-конфессиональной культуры и инноваций миссионерского поля региона. Автором отмечается, что процессы дезинтеграции этого культурного поля, связанные с миссионерством католической церкви и не-протестантских институтов в миграционной среде, являются одним из модусов «вестернизации» социокультурного пространства.

Традиционные религиозно-конфессиональные институты, в силу патерналистской традиции своего социально-политического бытия, не выработали методологию миссионерства, способствующую эффективному противостоянию инновациям в конфессиональном поле. Правовая политика России и Монголии, в отличие от Китая, находится в «заложенниках» принятой модели конституционно-либеральной идеологии, и государство фактически не в состоянии поддерживать статус-кво «канонических» границ традиционных институтов конфессионального пространства.

Попытки организационно-правовыми средствами противостоять латентной угрозе фундаментализации религиозного сознания в объективных условиях имперского характера социополитического пространства приводят к нарушению базовых принципов толерантности в религиозной сфере.

Ключевые слова. Толерантность, религиозная культура, Байкальский регион, миграция, право, религиозная миссия.

Вопросы толерантности в сфере религиозной культуры в той или иной мере касаются методологии политики государства в этно-конфессиональной сфере общественных отношений, которая выступает в качестве доминирующей в идеологической подсистеме. Идеология, представляя собой систему ценностей ментального порядка, присуща любым социумам. Поднимая вопрос о толерантности в сфере этно-конфессиональных общественных отношений, мы объективно выходим на понимание этно-конфессиональной политики государства как одной из подсистем идеологии, представляющей собой систему ценностей ментального порядка, что присуще любому социуму.

В идеологической системе «определённых общественных ценностей» в разные исторические эпохи доминировали различные элементы, утрата которых нередко детерминирует геополитические трансформации. Ментальное ядро имеет непосредственное влияние на формирование национального интереса и процессы его осознания. Та или иная степень ослабления или его утрата приводит к трансформации геополитического сознания в осмыслении социополитического пространства. Так, его трансформация в России в конце XX в. объясняется деструкцией идеологии коммунистического порядка и фрустрацией попыток идеологии либерализма её заменить. В настоящий период для геополитической экспансии основные пространства её разворачивания – это экономическое и идеологическое [Арзуманов, 2014: 256; Арзуманов, 2012: 198; Арзуманов, 2009а: 248; Арзуманов, 2009б: 51]. В структуре идеологического пространства религиозное и националистическое являются основными детерминантами процессов геополитической экспансии, обосновывая концепты исключительности того или иного этноса.

Необходимо учитывать, что воздействие государства как политической организации на общественные отношения осуществляется в том числе и при помощи норм позитивного права.

Устанавливая или санкционируя нормы позитивного права, государство как основной субъект политических процессов обеспечивает их реализацию. В этой связи необходимо отметить и базовый характер конституционно-правовых институтов как регулятивных основ общественного строя [Кашкин, 2005: 266]. Согласно положениям конституций большинства стран Запада, функционирование религиозных институтов осуществляется в рамках конституционно-правового гарантирования свободы совести. При этом закрепление на конституционном уровне предпочтения той или иной наиболее распространённой в государстве конфессии в рамках либерально-демократической парадигмы рассматривается в качестве социокультурной девиации [Холмс, 1998: 49]. Не случайно проблемы, возникающие в процессе структурирования религиозно-конфессионального пространства, рассматриваются в контексте проблем государственной безопасности [Арзуманов, Бычков, 1994: 7].

В методологической основе рассмотрения вопроса о целях государственного регулирования всей этно-конфессиональной сферы лежат принципы права, детерминированные необходимостью защиты имеющих юридическое значение тех или иных аспектов свобод человека и гражданина. В основе норм международного права – защита автономии свободной и независимой личности, её проявлений в духовно-социальных сферах права, морали, нравственности, религии и т. д. Рассмотрение с данных позиций комплекса прав человека определяет их понимание без учёта интегративной функции государства в идеологической и социокультурной сфере общественных отношений. Дифференциация прав человека в их широком и узком понимании даёт качественный сдвиг в процессах интерпретации правовых основ обеспечения прав человека, с одной стороны, с другой – роли государства в обеспечении духовной безопасности и единства общества.

При узком понимании прав и свобод человека они только гарантируются, охраняются государством и представляются вполне независимыми от его деятельности как политической организации. При расширительном толковании в права человека включается спектр различных видов прав и свобод. Совокупность регулирующих конфессиональную сферу норм разбросана по различным нормативным правовым актам, иногда непосредственно не относящимся ни к сфере национальной, ни к сфере конфессиональной политики государства.

Понятие «толерантность» выступает в качестве основного критерия в сфере основных прав человека и возведено в ранг идеологической доминанты международного права с 90-х гг. XX в. [Декларации принципов толерантности]. Дефинитивные характеристики толерантности непосредственно увязываются с нормативно-правовым обеспечением прав человека в его, прежде всего, международно-правовом аспекте и с реализацией принципа плюрализма в социально-политической сфере общественных отношений. Связанные с этим понятием тенденции определяют характер и динамику деунификационных процессов в пределах конкретного типа культуры, что находит отражение и в правовых национальных системах. Хотя в настоящее время понятие «толерантность» еще не проработано и адекватно тому понятийному пласту, с которым его обычно связывают. В качестве обязательного и необходимого элемента в данном понятии выделяется терпимость к феноменам иных мировоззренческих комплексов в формах образа жизни, поведения, обычаев, верований. В рамках субъект-объектных отношений данное качество является одним из основных характеристик стабильности и прогнозируемости как межличностных, так и общественных взаимоотношений.

Несмотря на этимологическую связь между дефинициями «толерантность» и «терпимость», последняя не отражает всего содержания дефиниции «толерантность». По мнению Н.В. Кругловой,

толерантность, в отличие от терпимости, отличается рецепционными характеристиками, она может приобретаться или культивироваться [Круглова, 1998: 5]. Общее понимание дефиниции «толерантность» сводится к терпимому отношению общества к разновекторным мировоззренческим комплексам, функционирующим в рамках того или иного государственно организованного социума.

Правовой плюрализм, в свою очередь, предполагает сосуществование различных правовых систем, в том числе и конфессионально-детерминированных. Нормы позитивного права регулируют не более половины всех общественных отношений. Регуляция второй половины осуществляется нормами иных социальных регуляторов, к которым относятся традиции, обычаи, обряды, привычки, то есть конкретных мировоззренческих, нормативных конфессионально-религиозных комплексов, даже самых архаичных. Порождаемое идеологическим плюрализмом многообразие – это сосуществование различных конфессионально-религиозных культур [Арзуманов, 1994: 6]. Природа данного соотношения радикально иная, чем бинарная позиция «светского» и «религиозного». Интенциональная апория религиозно-конфессионального поля объективно является источником конфликтности.

Проявление толерантности, по мысли П. Рикера, требует определённого преодоления себя при сохранении своей самости [Рикёр, 1989: 19]. Как отмечает в этой связи Д. Франк, любые высказывания и практические коммуникации являются действием, содержащим определённую целевую установку, и рецепцией ответного понимания [Франк, 1986: 372]. На уровне социокультурных измерений, имеющих глобальный характер, направленность исследований феномена конфессиональной толерантности принципиально, меняется. Глобализация, с одной стороны, активизирует процессы стирания границ и сближение разного уровня связей и контактов – от международных

до межличностных. Но сама природа данных процессов актуализирует тенденции «девестернизационного» характера, сопровождающиеся нарушением границ «пределов толерантности», имеющих достаточно радикальный характер не только на локальном уровне, но и на уровне глобализационно-цивилизационном. В социально-политическом пространстве государственно-организованного общества данные положения закреплены в правовом поле, закрепляющем вмешательство государства как политической организации в случае прямых угроз этно-конфессиональной толерантности, создающих угрозу общей социокультурной стабильности.

В российских международных правовых актах, как правило, отмечается общерелигиозный аспект проблем нарушения толерантного консенсуса в социокультурном континууме. Понятийное определение угроз религиозно-обусловленной толерантности, как правило, увязывается с проблемой религиозного экстремизма, сопряжённой с общей трансформацией регионального и общероссийского религиозного пространства. Необходимость исследований конфессиональной специфики регионального и общероссийского миссионерских полей связана не только с неорелигиозными движениями, но и с аналогичными процессами в некоторых традиционных конфессиях [Глаголев, 2006: 112; Глаголев, 2009: 7; Глаголев, 2010: 136]. Рассмотрим данные положения на примере миссиологических доминант Центрально-Азиатского региона в XX–XXI вв.

Специфика формирования миссионерского поля Байкальской Сибири и Монголии, являющихся частью Центрально-Азиатского региона, детерминирована миграционными и ремиграционными процессами социально-экономического порядка. Спектральный обзор конфессионального поля Монголии показывает, что исторически эта страна ассоциировалась с ламаизмом – «жёлтой верой», одной из форм буддизма. До народной революции 1921 г. в стране насчитывалось почти 750 монастырей – дацанов. После

культурной революции и репрессий против ламаистского духовенства в 1930 – 1940-х гг., десятилетий социалистических преобразований Монголия к началу 1980-х гг. действительно была атеистической страной, в ней сохранился всего 61 дацан [Этнолингвистический атлас МНР, 1979]. На севере и северо-западе страны осталось четыре шаманских капища «чёрной веры» (хара-шаджин), посвящённых Эрлэн-Хану, владыке ада. «Эрлэн-Хан» – по шаманистской мифологии бурят и алтайских тюрков – самый злой дух из восточных хатов. Он считался владыкой загробного мира [Манжигеев, 1978: 104].

В самом западном Баян Улэгэйском аймаке, населённом преимущественно казахами, и в соседнем с ним Кобдосском аймаке было четыре мусульманских мечети. В пяти аймаках Монголии поклонялись легендарному Гэсэр-Хану. В Улан-Баторе находился и католический костёл [Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви, 1996]. С началом демократических реформ в 1990 г. одним из первых появился «Закон Монголии об отношениях государства и церкви». Закон, либеральный по своей сути, исходя из исторических традиций в культуре монгольского народа и его цивилизации, признал позиции буддизма в стране преобладающими [Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви, 1996]. При этом, государство оставило за собой право регулировать число лам – священнослужителей в дацанах и контролировать возведение новых храмов – дуганов и дацанов [Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви, 1996].

В то же время церкви была запрещена любая политическая деятельность, её использование в интересах политических партий, организаций и должностных лиц [Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви, 1996]. При отправлении богослужений церковь может пользоваться памятниками истории и культуры, хранящимися в музеях и библиотеках [Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви, 1996].

Наряду с буддистами, Закон оговаривает особые права мусульман и шаманистов на ведение проповедей, обучение и пропаганду своего вероучения вне стен храмов [Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви, 1996]. Буддисты и мусульмане Монголии имеют собственные руководящие центры, представляющие интересы данных конфессий во взаимоотношениях с государством.

В сложившейся ситуации важен и такой фактор, как смена ценностных ориентиров у монгольской молодёжи – с Востока на Запад. Ныне госчиновники, академическая интеллигенция с сожалением констатируют: переход к рыночной экономике в 1990-1993 гг. начался с того, что монгольское правительство открыло страну для Запада в надежде, что их инвестиции с успехом заменят прежние российские. Всё советское, русское было в одночасье предано поруганию, стало ненужным. Вывод частей Забайкальского военного округа сопровождался антироссийской кампанией. Но, вместо обильных инвестиций, с Запада развернулась духовная экспансия в лице миссионеров и проповедников, преимущественно постпротестантских деноминаций. При этом все они используют и весьма веротерпимый, лояльный Закон о Церкви, и обостренное желание молодёжи изучать иностранные языки [Правительственная газета, 1996].

Правительственная газета «Засгийн газрын мэдээ» от 30 марта 1996 г. в статье «Тайно функционирует около 30 церквей» отмечала, что «...имеет место такое явление, когда из-за рубежа по контракту по государственной, частной линии приезжают преподаватели иностранных языков и после нескольких дней занятий начинают проповедовать христианство». Эксплуатируются экономические трудности страны – практикуется заманивание людей на проповеди путем раздачи гуманитарной помощи, а то и просто платой в 3 – 5 долларов США за разовое посещение собраний. В частности, особое внимание в своей работе

миссионеры уделяют подрастающему поколению.

17 зарегистрированных христианских общин Улан-Батора посещают около 2200 монгольских граждан, из них 900 детей. Баптисты и адвентисты седьмого дня работают в столичных школах, используя переведённые на монгольский язык св. Евангелие и популярную книгу «Иисус», изданную в Москве в 1994 г. центром «Новая Жизнь - Евразия». Большинство миссий и сект, обосновавшихся в Улан-Баторе, уже имеет опыт работы в России и, пользуясь прорехами в российском и монгольском законодательствах о свободе совести, действуют из российских городов – Москвы, Новосибирска, Иркутска, Красноярска, Хабаровска, Улан-Удэ. Маршруты их миссионерских поездок, так или иначе, до сих пор выстраиваются по линии: Иркутск – Улан-Удэ – Улан-Батор [Арзуманов, 1994: 6].

Для работы с бурятами и с монголами используется одна и та же литература, одни и те же методические приемы. Рассмотрим положения, касающиеся миссионерского поля Монголии в свете цивилизационного трансграничья начала XXI в. Касаясь международно-правовых аспектов причин трансформации религиозного пространства региона, необходимо отметить, что возникающие в результате инновационных процессов в религиозном пространстве социополитические трансформации, политизация религии, имеют основанием то, что, «с точки зрения христианских организаций, отношение к христианству в каждой стране является показателем религиозной свободы или несвободы и, следовательно, страны оценивают с точки зрения того, не нарушаются ли там права человека» [Robbie, 2005: 75]. Страны, где преследуется христианство, объявляются «нетерпимыми и имеют плохую репутацию в остальных западных странах, что влияет на сферу туризма, гуманитарной помощи и другого сотрудничества, которое влияет на экономику данной страны» [Robbie, 2005: 76].

По мере того, как христианские инновации будут всё больше распространять-

ся в этом регионе, и способствовать этому будут ресурсы, стратегия и деятельность церкви и организаций по всему миру, будет нарастать трансформационная динамика дезинтеграции традиционных обществ региона. Среди официально зарегистрированных христианских направлений своим динамизмом выделяется Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны) [Ropp, 1987: 186]. Некоторые российские исследователи квалифицируют данное направление в качестве «гностики-языческой системы», не имеющей с христианством ничего общего [Соболевская, 2002]. Общая численность региональной организации составляет более 5 тыс. человек [Информатор]. Мормоны сформировали приходскую структуру, охватывающую города основных промышленных центров страны (отделения данной организации имеются в гг. Кобдо, Улясутае, Дархане, Эрдэнэте) [Информатор; Коммерсант-daily].

К основным формам и методам миссионерской работы необходимо отнести социально-благотворительную деятельность, услуги в сфере образования, активную переводческую деятельность. Как отмечают функционеры мормонских организаций, аналогичная деятельность в Центрально-Азиатском регионе в целом, в Гонконге, затруднена особенностями положений китайского законодательства, запрещающим иностранным религиозным организациям проводить миссионерскую деятельность среди граждан Поднебесной.

В условиях китайской империи роль официальной государственной идеологии выполняло конфуцианство [Васильев, 1970: 364]. Этические нормы конфуцианства лежат и в основе постмаоистских реформ конца XX века. В Китае запрещено членство в церковных организациях, не санкционированных государством [Lewis, 2004: 91; Freston, 2004: 102].

Уровень надзора за религиозными группами довольно высок. Хотя активное преследование проводится не часто, однако некоторые лидеры домашних церквей подвергались пыткам при за-

держании. Теоретическая база политики партии относительно религии – «объединённый фронт». Формулирует базу рабочий департамент объединённого фронта, а исполняет бюро по религиозным вопросам. Основная директива для кадрового состава датируется 1982 г.: «Марксизм несовместим ни с одним теистическим мировоззрением. Но в плане политического действия марксисты и патриоты могут, и даже обязаны сформировать объединённый фронт». Должно относиться толерантно к религиозным действиям, не являющимся контрреволюционными или возглавляемыми иностранцами [Freston, 2004: 103].

По мнению Дэниела Бэйза, число протестантов в Китае на порядки больше, чем католиков. Последних он насчитывает в количестве не более 10 млн человек. Сравнивая числовые показатели с положением второй половины XX в., Бэйз отмечает резкий количественный рост протестантских деноминаций. Но положение протестантских течений усугубляется фактором институционального раздвоения протестантов. Одни из них являются членами легальных объединений в рамках Тройного патриотического движения, другие – автономными (домашними), и их иерархическое соотношение до сих пор недостаточно определено. Согласно общим установкам китайского законодательства о религии, институты протестантизма и католицизма существуют под жёстким государственным контролем и неприкрытым вмешательством во внутреннюю жизнь общин [Overmyer, 2003: 182].

При этом священнослужители автономных групп нередко подвергаются физическому насилию, тюремному заключению [Overmyer, 2003: 183]. Жибин Цзы, проводя анализ политического контекста взаимодействия государства и религиозных институтов в Китае, отмечает в качестве доминантного принцип «прагматизма» [Zhibin, 2006: 83].

Толерантность государства по отношению к религиозным институтам определяется сложившимся «набором» из признанных конфессий – буддизма, дао-

сизма, ислама, католицизма и протестантизма. Структуры данных религиозно-конфессиональных институтов, являясь частью национальных патриотических организаций, становятся и частью общего механизма осуществления идеологической функции государства и инструментами управления религиозной деятельностью [Zhibin, 2006: 82, 84].

Л. Саннех, в свою очередь, проводя анализ факторов, способствующих успеху миссии протестантизма в Китае, акцентирует внимание на том, что антропо-культурные системы буддизма и конфуцианства расшатаны в ходе событий 60-х гг. XX в. Но не только события культурной революции, по мнению Л. Саннеха, определили возрастание роли протестантизма. В качестве одного из ключевых оснований легализации протестантских деноминаций в Китае Л. Саннех усматривает «родовую» недостаточность социокультурных характеристик буддизма и конфуцианства в социально-экономической проекции их бытования в современных условиях. Как следствие – попытка определения иных религиозно-культурных детерминант активизации процессов социально-экономического развития.

Тем не менее, как отмечают С. Ухалли, Л. Саннех, положение протестантских деноминации, несмотря на внешний успех и процветание, недостаточно стабильно вследствие «родового» признака самого протестантизма – институционально-структурной фрагментарности и ограничений со стороны государства [Uhalley, 2001: 195; Sanneh, 2003: 67]. Вэйхонг Лу, анализируя процессы реализации принципа политической лояльности в вероисповедной политике Китая, отмечает, что одним из самых главных достижений деятельности Тройного патриотического движения стало управление китайскими христианскими деноминациями собственно китайцами [Weihong, 2004: 123].

Вследствие данных факторов миссионерская работа структур «Церкви Иисуса Христа святых последних дней» среди коренного населения в Китае весьма огра-

ничена и проводится преимущественно в среде трудовых мигрантов и сотрудников зарубежных фирм, функционирующих в Китае. Со спецификой вероисповедной политики Китая связана региональная деятельность и римско-католиков.

Следствием активизации торгово-экономических отношений между Монголией и Китаем, приведшей к росту числа китайских трудовых мигрантов, стала и активизация деятельности католической миссии в Монголии. Китайские, а также корейские мигранты в Монголии являются объектом миссионерских усилий структур римско-католической церкви в Северо-Восточной Азии. «Китайская католическая патриотическая ассоциация», насчитывающая около 3 млн католиков-китайцев, откололась от Китайской католической церкви в 1957 г. Епископы в этой церкви назначаются правительством, а не Папой. Отсутствует каноническое общение с Ватиканом и отвергается часть католической доктрины – один из основных для католиков западного мира догмат о непогрешимости (святости) живого Папы Римского.

В Китае существует собственная католическая иерархия, в то время как западное католичество полностью ориентировано на иерархические структуры Ватикана. Параллельно в Китае действует подпольные структуры католической церкви, признающие главенство Папы Римского. По оценкам ватиканских специалистов, в Китае и Северной Корее проживает 4, 6 млн не охваченных официальной статистикой католиков римского обряда, которые признают главенство Римского престола. В 1995–1998 гг. власти Китайской Народной Республики ужесточили контроль над деятельностью подпольной католической церкви. Жёсткая, многоуровневая китайская система безопасности, структурное насилие и отказ от социального местного управления подавляют любой значительный этнический и религиозный конфликт [Norbu, 2001: 340]. Так, в Шанхае, где действует 10 «катакомбных» общин, в течение всего 1997 г. проводились обыски и аресты

среди священнослужителей и активных членов местной католической церкви. Положение катакомбной католической церкви в Китае в начале XXI в. усугубилось после введения 1 марта 2005 г. новых правил по вопросам религии.

Проведённый анализ выводит ещё на один аспект региональной проблематики – имперский дискурс толерантности. Действительно, Россия, начиная с конца XVI и начала XVII вв., перестала быть моноконфессиональной страной. Имперский характер полиэтноконфессионального состава социокультурного пространства объективно выводил вопросы религиозной и этнической толерантности на первый план. Методология решения проблемы в имперский период была проста – национальный вопрос решался по принципу религиозно-конфессиональной дифференциации, иерархизации религиозных институтов, под угрозой уголовного преследования лишённых права прозелитизма в среде православного населения. На современном этапе патерналистский подход прослеживается и в попытках ограничить миссионерскую деятельность конфессиональных инноваций посредством положений норм права, отражённых в так называемым «пакете Яровой».

С одной стороны, необходимо отметить, что данный факт является подтверждением тенденций определиться с необходимостью упорядочить процессы бесконтрольного фрагментирования религиозно-мировоззренческих комплексов. С другой стороны, отсутствие чётко выраженных параметров общенациональной идеи не позволяет законодателю определиться с решением данной проблемы в рамках, адекватных национальным интересам. Как следствие – латентное нарушение базовых принципов свободы совести и угроза субъективации разрешения возможных конфликтов на почве попыток реализации евангель-

ского призыва для каждого верующего христианина «идти и проповедовать». В случае миграционных аспектов данной проблемы вопрос встает не только о недостаточной активности «традиционных» конфессиональных страт в процессах приобщения мигрантов к культуре страны пребывания. Вопрос встает и о том, что сами мигранты проявляют в достаточной степени чётко выраженные тенденции позиционировать свою традиционную религиозную культуру в качестве образца для подражания и предмета особого внимания. При отсутствии базовых механизмов интеграции мигрантов этот фактор становится еще одной гранью проблем национальной безопасности стран Байкальского региона.

Подводя итоги проведенного анализа, можно прийти к выводам о том, что:

1. миграционный фактор конфессиональной толерантности является одним из основных в процессах дестабилизации этнокультурного пространства;
2. Байкальская Сибирь, Монголия и Китай включены в миссионерское поле взаимодействия мировоззренческих структур неопротестантизма и римско-католической церкви;
3. традиционные религиозно-конфессиональные институты не в состоянии противостоять инновациям в конфессиональном поле в силу патерналистской традиции своего социально-политического бытия;
4. правовая политика России и Монголии, в отличие от Китая, находятся в «заложниках» принятой модели конституционно-либеральной идеологии. Государство фактически не в состоянии поддерживать не только статус-кво «канонических» границ традиционного конфессионально-институционального пространства, но и влиять на процессы продолжающейся дезинтеграции пространства религиозной культуры.

Список литературы:

Арзуманов И.А. Государственное регулирование этноконфессиональных общественных отношений в России (на примере Байкальского региона в XIX-XXI вв.): монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 393 с.

Арзуманов И.А., Юрковский А.В. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-восточной Азии XX-XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. Ч. 1. № 2 (9). С. 106-115.

Арзуманов И.А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009а. № 1 (3). С. 244-251.

Арзуманов И.А. Религиозная культура Байкальского региона: историко-религиоведческий анализ нормативно-правовой стратификации буддизма // Научный вестник Белгородского государственного университета. 2009б. № 2 (57). С. 46-57.

Арзуманов И.А., Бычков О.В. К вопросу о деятельности зарубежных миссионеров и местных сект на территории Республики Бурятия и в Байкальском регионе // Миссионерское обозрение. 1994. № 12. С. 4-7.

Бобков А.И., Шелепиль Д.В. Религиозная безопасность Восточно-Сибирского региона в контексте государственной безопасности // Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики РФ: региональное правотворчество и правоприменение: материалы Всероссийской научно-практической конференции 28-29 ноября 2004 г. Иркутск: ИГУ, Юридический институт, 2004. С. 3-8.

Васильев Л.С. Культур, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.

Глаголев В. С. Величие России: основания, иллюзии и реалии // Философия хозяйства. 2006. № 1 (43). С. 101-106.

Глаголев В.С. Православное искусство как феномен восприятия // Вестник славянских культур. 2009. Т. XII. № 2. С. 5-12.

Глаголев В.С., Силантьева М.В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 2. С. 131-140.

Декларации принципов толерантности 1995 г. [Электронный ресурс] // Гарант: справочная правовая система. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 5.06.2018).

Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви. Гл. 2, ст. 4, п. 2 // Правительственная газета «Засгийн газрын мэдээ». 1996. 30 марта. С. 3-10.

Информатор Г. Няямделгэр - проектный менеджер Монгольского «Сервис-Центра» Церкви Иисуса Христа святых последних дней.

Кашкин С.Ю. Конституционно-правовые основы общественного строя // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учебник. М.: Норма, 2005. С. 263-270.

Коммерсант-daily [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mormons.org/basic/temples/listing/htm> (дата обращения: 5.06.2018).

Круглова Н.В. Толерантность: генезис и типология: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998. 148 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 127 с.

Правительственная газета «Засгийн газрын мэдээ». Улан-Батор, 1996. 30 марта. С. 1.

Рикёр П. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 34-38.

Соболевская А. С сектантской петлей на шее [Электронный ресурс] // Центральная газета. 2002. 17 июля. URL: <http://hrcenter.e-baikal.ru> (дата обращения: 5.06.2018).

Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализа речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 363-374.

Холмс С. Церковь и государство в Восточной Европе. Введение // КПВО. 1998. № 4 (25). С. 45-60.

- Этнолингвистический атлас МНР. В 2-х т. Т. 2. Улан-Батор: АН МНР, 1979. 542 с.
- Freston P. Evangelicals and Politics in Asia, Africa and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 358 p.
- Lewis D.M. Christianity reborn. The Global Expansion of Evangelicalism in the Twentieth Century. Cambridge: Eerdmans, 2004. 324 p.
- Norbu D. China's Tibet Policy. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 470 p.
- Overmyer D.L. Religion in China Today // The China Quarterly Special Issues. New Series. 2003. № 3. P. 180-192.
- Robbie B.H. Goh. Christianity in Southeast Asia. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2005. 80 p.
- Ropp H.L. Are the Mormon Scriptures Reliable? Downers Grove, Illinois: InterVarsity, 1987. 207 p.
- Sanneh L. Who's Religion is Christianity? The Gospel beyond the West. Cambridge: William B. Eerdmans Publishing Company, 2003. 128 p.
- Uhalley S., Wu X. China and Christianity. Burdened Past, Hopeful Future. N.Y., L.: M. E. Sharpe, 2001. 499 p.
- Weihong L. Christianity in China. Beijing: Chinese Intercontinental Press, 2004. 160 p.
- Zhibin X. Religious Diversity and Public Religion in China. Aldershot, Hants: Ashgate Publishing Limited, 2006. 160 p.

Об авторе:

Арзуманов Игорь Ашотович – к. филос. наук, доктор культурологии, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета. Россия, 664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10. Научная специализация: религиозная культура, теория и история государства и права, политико-правовые характеристики религиозного пространства стран Центральной и Северо-Восточной Азии. E-mail: arzumanov@mail.ru.

MIGRATION FACTOR OF CONFESSIONAL TOLERANCE IN THE CONTEXT OF MISSIONARY DOMINANTS WITHIN THE BAIKAL REGION OF THE XX-XXI CENTURIES

I. Arzumanov

Abstracts. *This article is dedicated to the confessional tolerance and migration factor in the context of the countries in the Baikalsky Region Ministry Studies dominants XX-XXI centuries. Initially, the tolerance as the New Time liberal ideology institute had the meaning in the light of the religiously-confessional liberality. "Dewesternization" reinforcing tendencies are accentuating candidly the opposition in the ideological field. The integration of these factors with the regional emigrational and re-emigrational processes puts the notion of the tolerance to the stage of the national security factor. The culturological approach has been chosen as the basic to analyze the process data. This approach defines the confessional area axiological modes of existence and regional dominant Ministry Studies of the communal traditional institutes and the regional missionary field.*

The author highlights, that the communal field disintegration processes connected with the Roman Catholic Church missionary as well as non-protestant institutes in the emigrational environment are one of the "westernization" modes of existence of the social and cultural field. Traditional religiously confessional institutes by virtue of the paternalistic tradition of its social political existence have not worked out the missionary methodology which encouraged the effective opposition to the innovations in the confessional field. The juridical policy of Russia and Mongolia, apart from China, is under pressure of the constitutional liberal ideology adopted model. The State practically cannot

retain the status quo of the confessional area traditional institutes "canonical" borders. The organizational and legal means trial implementation to withstand the latent threat of the religious conscience fundamentalization in the empire character objective conditions of the social and political field lead to the basic tolerance principles violation in the religious field.

Key words. *Tolerance, religious culture, the Baikalsky Region, emigration, law, religious mission.*

References:

Arzumanov I.A. *Gosudarstvennoe regulirovanie ehnikonfessional'nyh obshchestvennyh otnoshenij v Rossii (na primere Bajkal'skogo regiona v XIX-XXI vv.): monografiya* [State regulation of the ethnoconfessional public relations in Russia (on the example of the Baikal region in the 19-21st centuries): monograph]. Irkutsk, Publishing house of ISU, 2014. 393 p. (In Russian).

Arzumanov I.A., YUrkovskij A.V. Modernizacionnye aspekty veroispovednoj politiki stran Severo-vostochnoj Azii XX-XXI v. [Modernization aspects of religious policy of the countries of Northeast Asia 20-21st century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie - News of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies*, 2012, Part 1, no. 2 (9), pp. 106-115 (In Russian).

Arzumanov I.A. Kul'tur-konfessional'nyj faktor v processah konsolidacii sociopoliticheskogo prostranstva Bajkal'skoj Sibiri [A cultures-confessional factor in processes of consolidation of sociopolitical space of the Baikal Siberia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie - News of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies*, 2009a, no. 1 (3), pp. 244-251 (In Russian).

Arzumanov I.A. Religioznaya kul'tura Bajkal'skogo regiona: istoriko-religiovedcheskij analiz normativno-pravovoj stratifikacii buddizma [Religious culture of the Baikal region: historical and theological analysis of standard and legal stratification of the Buddhism]. *Nauchnyj vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta - Scientific Bulletin of the Belgorod state University*, 2009b, no. 2 (57), pp. 46-57 (In Russian).

Arzumanov I.A., Bychkov O.V. K voprosu o deyatelnosti zarubezhnyh missionerov i mestnyh sekt na territorii Respubliki Buryatiya i v Bajkal'skom regione [To a question of activity of foreign missionaries and local sects in the territory of the Republic of Buryatia and in the Baikal region]. *Missionerskoe obozrenie - Missionary review*, 1994, no. 12, pp. 4-7 (In Russian).

Bobkov A.I., Shelepin' D.V. Religioznaya bezopasnost' Vostochno-Sibirskogo regiona v kontekste gosudarstvennoj bezopasnosti [Religious safety of the East Siberian region in the context of state security]. *Pravovoe razvitiye Sibiri v ramkah realizacii vnutrennej i vneshnej politiki RF: regional'noe pravotvorchestvo i pravoprimerenie: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 28-29 noyabrya 2004 g.* [Legal development of Siberia in the framework of the implementation of domestic and foreign policy of the Russian Federation: regional lawmaking and law enforcement: materials of the all-Russian scientific and practical conference on November 28-29, 2004]. Irkutsk, ISU, Law Institute, 2004. pp. 3-8 (In Russian).

Vasil'ev L.S. *Kul'ty, religii, tradicii v Kitae* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow, Science, 1970. 484 p. (In Russian).

Glagolev B.C. Velichie Rossii: osnovaniya, illyuzii i realii [Greatness of Russia: bases, illusions and realities]. *Filosofiya hozyajstva - Philosophy of Economics*, 2006, no. 1 (43), pp. 101-106 (In Russian).

Glagolev V.S. Pravoslavnoe iskusstvo kak fenomen vospriyatiya [Orthodox art as perception phenomenon]. *Vestnik slavyanskih kul'tur - Bulletin of Slavic cultures*, 2009, Vol. XII, no. 2, pp. 5-12 (In Russian).

Glagolev V.S., Silant'eva M.V. Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropejskoj Rossii: faktory dinamiki tradicij i tradicii dinamiki [Religious and cultural space of the European Russia: factors of dynamics of traditions and tradition of dynamics]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie - News of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies*, 2010, no. 2, pp. 131-140 (In Russian).

Deklaracii principov tolerantnosti 1995 g. [Declarations of the principles of tolerance of 1995]. Garant: reference legal system. Available at: <http://www.garant.ru/> (accessed: 5 June 2018) (In Russian).

Zakon Mongolii o vzaimootnosheniyah gosudarstva i cerkvi. Gl. 2, st. 4, p. 2 [Law of Mongolia on relationship of the state and church. GL. 2, vol. 4, p. 2]. *Pravitel'stvennaya gazeta «Zasgijn gazryn mehdeheh» - Government Gazette «Sachin gazryn medee»*, 1996, March 30th, pp. 3-10 (In Russian).

Informator G. Nyayamdelgehr - proektnyj menedzher Mongol'skogo «Servis-Centra» Cerkvi Iisusa Hrista svyatyh poslednih dnei [The informant Mr. Nyayamdelger is the design manager Mongolian "Service Center" of Church of Jesus Christ of Latter-day Saints]. (In Russian).

Kashkin S. YU. Konstitucionno-pravovoye osnovy obshchestvennogo stroya [Constitutional and legal bases of a social order]. *Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran. Obshchaya chast': uchebnik* [Constitutional (state) law of foreign countries. General part: textbook]. Moscow, Norma, 2005. pp. 263-270 (In Russian).

Komersant-daily [Kommersant-daily]. Available at: <http://www.mormons.org/basic/temples/listing/htm> (accessed: 5 June 2018) (In Russian).

Kruglova N.V. *Tolerantnost': genezis i tipologiya*. Diss. kand. filos. nauk [Tolerance: genesis and typology. Kand. philos. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 1998. 148 p. (In Russian).

Manzhigeev I.A. *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat shamanisticheskyy and doshamanisticheskyy terms]. Moscow, Science, 1978. 127 p. (In Russian).

Pravitel'stvennaya gazeta «Zasgijn gazryn mehdeheh» [Government newspaper "Zasgiyn Gazryn Me-dee"]. Ulan-Bator, 1996, 30 marta. P. 1. (In Russian).

Riker P. Chelovek kak predmet filosofii [Person as philosophy subject]. *Voprosy filosofii - Questions of philosophy*, 1989, no. 4, pp. 34-38 (In Russian).

Sobolevskaya A. S sektantskoj petlej na shee [With a sectarian loop on a neck]. *Central'naya gazeta - National newspaper*, 2002, July 17. Available at: <http://hrcenter.e-baikal.ru> (accessed: 5 June 2018) (In Russian).

Frank D. Sem' grekhov pragmatiki: tezisy o teorii rechevyh aktov, analiza rechevogo obshcheniya, lingvistike i ritorike [Seven sins of pragmatics: theses about the theory of speech acts, the analysis of speech communication, linguistics and rhetoric]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevyh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow, Progress, 1986. pp. 363-374 (In Russian).

Holms S. Cerkov' i gosudarstvo v Vostochnoj Evrope. Vvedenie [The Church and the state in Eastern Europe. Introduction]. *KPVO – CPWO*, 1998, no. 4 (25), pp. 45-60 (In Russian).

Etnolingvisticheskij atlas MNR. V 2-h t. T. 2 [Ethnolinguistic Atlas of the MPR. In 2 vol. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Academy of Sciences of the Mongolian people's Republic, 1979. 542 p. (In Russian).

Freston P. *Evangelicals and Politics in Asia, Africa and Latin America*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 358 p.

Lewis D.M. *Christianity reborn. The Global Expansion of Evangelicalism in the Twentieth Century*. Cambridge, Eerdmans, 2004. 324 p.

Norbu D. *China's Tibet Policy*. Richmond, Surrey, Curzon Press, 2001. 470 p.

Overmyer D.L. Religion in China Today. *The China Quarterly Special Issues. New Series*, 2003, no. 3, pp. 180-192.

Robbie B.H. Goh. *Christianity in Southeast Asia*. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies, 2005. 80 p.

Ropp H.L. *Are the Mormon Scriptures Reliable?* Downers Grove, Illinois, InterVarsity, 1987. 207 p.

Sanneh L. *Who's Religion is Christianity? The Gospel beyond the West*. Cambridge, William B. Eerdmans Publishing Company, 2003. 128 p.

Uhalley S., Wu X. *China and Christianity. Burdened Past, Hopeful Future*. New York, London, M. E. Sharpe, 2001. 499 p.

Weihong L. *Christianity in China*. Beijing, Chinese Intercontinental Press, 2004. 160 p.

Zhibin X. *Religious Diversity and Public Religion in China*. Aldershot, Hants, Ashgate Publishing Limited, 2006. 160 p.

About the Author:

Arzumanov Igor Ashotovich – Ph.D. (Philosophe), Doctor of Sciences (Cultural Studies), Professor of the Chair of Constitutional Law and Theory of Law at the Law Institute of the Irkutsk State University. Russia, 664082, Irkutsk, ul. Ulan-Batorskaya, 10. Scientific specialization: religious culture, theory and history of the state and law, political and legal characteristics of the religious space of the countries of Central and North-East Asia. E-mail: arzumanov@mail.ru.